- образовательных стандартов высшего образования. URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/152/150/25/117> (дата обращения: 22.03.2020).
2. Яковлева Н.Ф. Проектная деятельность в образовательном учреждении [Электронный ресурс]: учеб. пособие. – 2-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 144с. URL: <http://www.kspu.ru/upload/documents/2015/10/19/71da327648fc882ccef7530c24077b1/proektnaya-deyatelnost-v-obrazovatelnom-uchrezhdenii.pdf> (дата обращения: 22.03.2020).
 3. И Лазарев В.С. Проектная деятельность в школе: неиспользуемые возможности // Вопросы образования. – Москва, 2015. – № 3. – С. 292–306.
 4. Топилина Н.В. Развитие познавательных интересов учащихся начальных классов средствами проектной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск, 2018. – №2 (69). – С. 223–225.
 5. Исаева С.Э., Оказова З.П. Организация проектной и исследовательской деятельности учащихся в современной школе // АНИ: педагогика и психология. – Тольятти, 2018. – №3 (24). – С.112–114.
 6. Доценко М.Ю., Ильина Н.О. Проектная деятельность как эффективная форма самостоятельной работы студентов на этапе предвузовской подготовки // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. – Пермь, 2019. № 1. – С 167–180.
 7. Кудинова О.С., Скульмовская Л.Г. Проектная деятельность в вузе как основа инноваций [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2018. – № 4. URL: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=27928> (дата обращения: 24.03.2020).
 8. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам: Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2004.
 9. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика преподавания языков) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – М: Издательство ИКАР, 2009.
 10. Мирошниченко С.А., Лесохина А.М., Лабазина Л.Н. Аналитическое чтение как средство формирования аналитической и интерпретационной компетенций у студентов языкового вуза // Ярославский педагогический вестник. – 2015 – № 2 – Том II (Психолого-педагогические науки) – С. 147–151.
 11. Игнатенко И.И. Методические приемы обучению аналитическому чтению студентов магистратуры // Преподаватель XXI век. М., 2016. – №1. – С. 104–111.
 12. Лежава Л.В. Комплекс упражнений при обучении чтению на немецком языке как втором иностранном [Электронный ресурс] // Вестник ХНАДУ. – 2007. – №37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompleks-uprazhneniy-pri-obuchenii-chteniyu-na-nemetskom-yazyke-kak-vtorom-inostrannom> (дата обращения: 30.03.2020).
 13. Здановская Л.Б. Аналитическое чтение профессионального текста [Электронный ресурс] // Научный журнал КубГАУ. – 2008. – №39(5). – URL: <http://ej.kubagro.ru/2008/05/pdf/02.pdf>.
 14. Косько М.В. Работа над иноязычным текстом как эффективный способ формирования аналитических умений студентов // Вестник учебно-методического объединения по образованию в области природообустройства и водопользования. М., 2011. – № 3. – С. 227 – 231.
 15. Заир-Бек С. И., Муштавинская И.В. Развитие критического мышления на уроке: пособие для учителей общеобразоват. учреждений / С. И. Заир- Бек, — 2-е изд., дораб. — М.: Просвещение, 2011.

Хетагурова Д.К.

Особенность трактовки темы богоборчества в поэзии русского и осетинского символизма (К.Д. Бальмонт, Ф.К. Сологуб, А.И. Токаев)

*ФГБУН Федеральный научный центр «Владикавказский научный центр
Российской академии наук»
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-07-2020-288

idsp: ljjournal-07-2020-288

Аннотация

В статье рассматривается специфика богоборческой тематики в творчестве видных представителей «старшего» поколения русского символизма К. Д. Бальмонта, Ф. К. Сологуба и осетинского поэта начала XX века А. И. Токаева. Цель работы — проследить, как тема богоборчества трансформировалась в лирике выбранных авторов, какие пути преодоления противостояния человечества и Создателя отражены в

стихотворениях Бальмонта, Сологуба и Токаева. В результате анализа выявлены особенности образов лирических героев, в которых ярче всего проявился пафос бунтаря, определены способы решения проблемы богоборчества: у Бальмонта (в единении всего, в стирании границ между противоположными понятиями), у Сологуба (герой-демиург создает воображаемые миры), у Токаева (жертвенность ради родного народа – замещая Бога, лирический субъект стремится к спасению человечества). Научная новизна настоящего исследования обусловлена тем, что богоборчество в лирике русского и осетинского символизма впервые становится предметом совместного анализа, так же как и русскоязычное творчество А. И. Токаева.

Ключевые слова: богоборчество; Сверхчеловек; символизм; декадентство; лирика; лирический герой; К. Д. Бальмонт; Ф. К. Сологуб; А. И. Токаев.

Abstract

In the article, the motif of theomachy in the poetry of K. D. Balmont, F. K. Sologub – the key representatives of the "elder" generation of Russian Symbolism, and Ossetian poet of the beginning of the XX century A. I. Tokaev is being analyzed. This mergence of contradictory ideas has widened the god-fighting theme in the works of Russian and Ossetian authors and inspired the search for new ways out of the decadent stalemate of the fin de siècle. As the result of the analysis the special features of lyric characters, who possess the most vivid rebellious pathos, were defined and the ways of solving the problem of God-fighting theme were described: Balmont (convergence of everything living, the erasure of borders between contradictory terms), Sologub (a demiurge hero creates imaginary worlds), Tokaev (martyrdom in the name of native land and people – substituting God to save humanity). The author of the article analyzes the God-fighting motifs in the poetry of the selected authors for the first time in Russian and Ossetian literary criticism.

Keywords: God-fighting, Übermensch, symbolism, decadent movement, lyric poetry, tragic world, solitude, demiurge, chosenness, martyrdom, lyric character, K. D. Balmont, F. K. Sologub, A. I. Tokaev.

Тема богоборчества была довольно популярна в русской литературе XIX – начала XX веков: от русских классиков М. Ю. Лермонтова и Ф. М. Достоевского до поэтов и писателей раннего символизма декадентской волны, в творчестве последних она достигла предела остроты. Изменившееся мироощущение в конце XIX века внесло новые акценты в тему одиночества человека на земле, лишенного привычных, нерушимых устоев в вере и культуре. Искусство рубежа веков – это одновременно и висельник, столкнувшийся с ужасной правдой, и стул под его ногами, и тот, кто выбил этот стул из-под ног отчаявшегося. Время страха, противоречий, сомнений и поисков пугающей истины, ведь «ежeminутное ощущение сущностного порождает страх, ощущение бездны, на пороге которой оказался человек» [10, с. 7]. Поэтому неслучайна актуализация проблемы богооставленности, брошенности в литературе этого периода.

Предметом исследования станут стихотворения символистов старшего поколения: К. Д. Бальмонта (1867-1942), Ф. К. Сологуба (1863-1927) и лирика осетинского поэта А. И. Токаева (1893-1920). **Актуальность** проведенного исследования заключается в необходимости осмысления межлитературных связей и влияний в осетинском литературоведении, в углубленном изучении актуальных идей рубежа XIX – начала XX веков в русском и осетинском искусстве. В работе ставятся следующие **задачи**:

1. Обозначить социально-исторические и культурные характеристики рубежа XIX – начала XX веков.

2. Проанализировать избранные стихотворения поэтов и определить особенности мировосприятия лирических героев.

3. Выявить специфику символического решения противоречий религиозных и эстетических в поэзии русских и осетинского авторов.

Метод, который использовался в проведенном исследовании: сравнительно-исторический. **Теоретической базой** явились труды отечественных литературоведов по истории русской литературы рубежа XIX – начала XX века: Л. А. Колобаевой [7], И. В. Корецкой [8], С. Н. Бройтмана [4], философские трактаты Л. И. Шестова [18] и Ф. Ницше [12]. **Практическая значимость** результатов проведенной работы заключается в возможности использовании их в преподавании курсов по истории русской и осетинской литературы, а также в качестве материала для спецкурсов, посвященных межлитературным связям на филологических факультетах РСО-А.

Возникновение символизма связывают с кризисом сознания и культуры рубежа веков: разочарование в науке, в рационалистических способах познания, в устоявшихся эстетических установках, отсюда и иное название символизма – декадентство (фр. «упадок»), ведь как писал Л. И. Шестов: «если открыть глаза на действительность, если захотеть говорить правду, то в результате получится одно отчаяние» [18, с. 200]. В многом истоки изменившегося мироощущения «лежали в расшатывании традиционной системы ценностей — христианства, краеугольного камня европейской цивилизации» [7, с. 15]. Из-за отсутствия опоры в вере популяризировались философские идеи А. Шопенгауэра, учение о Сверхчеловеке Ф. Ницше с тезисом о том, что «Бог умер», распространялись сомнения во всем привычном, современном и грядущем, что требовало поиска новых форм самовыражения. Именно символисты впервые ощутили острую неизбежность перемен и одновременно страх перед будущим, богооставленность и, с другой стороны, «свободу от прокрустова ложа догм и религий, социальных структур, от наивного деления на черное и белое» [10, с. 5].

В эстетике раннего символизма, связанной с декадентским мироощущением, когда Бог либо умер, либо отвернулся от человечества, сам, в свою очередь, разочаровавшись своим созданием, личность художника-творца выходит на новый уровень в попытке осознать космогонические, мистические процессы мироздания, самостоятельно постичь Истину. Лишь творческий разум способен осуществить необходимые перемены, по словам поэтического гения А. Рембо, только поэт достигает неведомого, «так как он взрастил больше, чем кто-либо другой, свою душу, и так богатыю!» [Цит. по: 1, с. 239]. Поэт, как «художник-демиург в своих творениях способен сблизить, осуществить синтез двух начал: земного и небесного» [5, с. 86], ведь «Человек тянется вверх, Бог – вниз; иногда их пальцы соприкасаются» [11, с. 114], в результате чего рождаются гении и поэты, способные изменить мир.

Как следствие переосмысления роли художника в мире и искусстве явилась актуализация идей богоборчества: «система взглядов, включающая в себя неприятие Бога и созданного им мира как несовместимого с идеей блага и утверждающая права человека на переустройство такого мира» [6, с. 189]. Именно неприятие существующего мира и стремление к его изменению отразились в творчестве символистов, которые «звали к перевооружению духовно-нравственному – к обновлению религии, морали, творчества, людских отношений» [8, с. 688].

Богоборческие идеи тесно связаны с учением о Сверхчеловеке Ф. Ницше. В трактате «Так говорил Заратустра» Ницше провозглашает: «Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек». [12, с. 57] Сверхчеловек в философии Ницше – высший этап развития человечества, центр всего: «Новой гордости научило меня мое Я, которой учу я людей: не прятать больше головы в песок небесных вещей, а гордо держать ее, земную голову» [Там же, с. 23].

В раннем символизме тема богоборчества имеет свои особенности: осознавая несправедливость мироустройства, поэт-декадент ищет новые пути выхода из кризисной ситуации. Ропща на Создателя, он, как правило, никогда не доходит до той точки, когда возможно утверждение о том, что «Бог умер», потому богоборчество в русском символизме трансформируется в нечто большее, чем бунт, эпатаж и категорическое отрицание Господа.

В поэзии К. Бальмонта лирический герой – изменчивый гений, индивидуалист, он «вызывающе отчужден от привычной человеческой жизни. <...> Его позиция – не включение в конкретную жизнь, а бегство от нее, позиция надмирности, не человечности, а сверхчеловеческого» [7, с. 69]. Провозглашая свою уникальность, лирический субъект Бальмонта разочаровывается в мире: «Я слепну в бешенстве, мучительно скорбя. / О, если мир – божественная тайна, / Он каждый миг – клеветает на себя!» [2, с. 217]; в человечестве: «Людей родных мне далеко страданье. / Чужда мне вся Земля с борьбой своей» [2, с. 26]; в Боге: «Затаив невыраженный вздох, / Я прошел несчетные дороги. / Мозг болит, болят глаза и ноги. / Я не знаю, братья, есть ли Бог» [3, с. 150]; поскольку: «Бесчувственно Великое Ничто, / Земля и Небо – свод немого храма» [2, с. 448].

Сверхчеловечность бальмонтовского героя, неприятие традиционных норм и правил сочетаются при этом с эфемерностью, неуловимостью, переменчивостью и неоднозначностью, ведь он тот, кого нельзя ухватить и заключить в рамки:

Я — внезапный излом,
Я — играющий гром,
Я — прозрачный ручей,
Я — для всех и ничей... [2, с. 355]

Пытаюсь постичь мир, он задается вопросом, который особенно остро стоял для рубежа XIX – начала XX вв.:

Во всем видна Создателя рука.
Лишь одного постичь мой ум не может: –

Зачем Он дал нам жгучее желанье –
Грешить, роптать, и проклинать Творца? [Там же]

Ища ответы на извечные вопросы к Создателю о смысле жизни и смерти, герой особенно остро ощущает безнадежность и богооставленность человечества, ведь ответов нет, и это неизменно приводит к горестным стенаниям, сомнениям и отчаянным поискам:

Мы не знаем, где родится новой истины звезда.
Нами правят два проклятья: Навсегда и Никогда.

К нам доходит свет небесный – в час, когда умрет звезда.
И с живой душой обняться мы не можем никогда. [2, с. 126]

Человеческая жизнь – обманчивый путь страданий, заканчивающийся не успокоением и слиянием с истиной, а лишь еще одной ложью, ведь «свет небесный» доходит лишь в час смерти, отрицая саму жизнь. Лирический герой ищет новый путь спасения и находит его в своем уникальном таланте, в своем трансцендентном разуме, равном Богу: «Я хочу быть первым в мире, на земле и на воде, / Я хочу цветов багряных, мною созданных везде» [2, с. 213], ведь символистское сознание способно проникать в суть вещей, к их «сокровенной и вечной сущности» [7, с. 11].

Поэтическое «Я» довлеет над миром, становится мерилем всех вещей и «отношения поэта к действительности строятся по типу: Я и Мир, где "Я" мыслится равновеликим миру. В поэзии символистов мы видим выражение претензий личности

поднять себя к высшей, Божественной сущности мироздания и уверенной в прямых соответствиях своего "Я" и тайн Вселенной» [7, с. 70]. Такая личность объединяет в себе все противоречия и стирает границы между добром и злом, жизнью и смертью, Богом и Дьяволом:

Ты создал сам свой лик,
Все можно изменить. [3, с. 122]
Добро и зло – два лика тех же дум. [2, с. 457]
Все краски люблю я, и свет Белизны не есть для меня завершение.
Люблю я и самые темные сны, и алый цветок преступления. [3, с. 113]
Я люблю тебя, Дьявол, я люблю Тебя, Бог,

Одному – мои крики, а другому мечты,
Но вы оба велики, вы восторг Красоты. [3, с. 93]
Заключив в себе все проявления бытия, лирический герой Бальмонта создает новое «Я», равное миру:

Мир – бездонность, ты – бездонность, в этом свойстве вы едины,
Только глянь орлиным оком, – ты достигнешь до вершины.

Будешь светлым, будешь сильным, будешь утром, в первый раз! [3, с. 122-123]
Разрушив границы привычного сознания, лирический герой меняет и религии мира: «Моя душа – глухой всебожний храм, / Там дышат тени, смутно нарастая» [2, с. 447], соединяя их в нечто одно, лишённое отличий.

Слияние стихий в одно целое, «воскресенье Всего» – последний этап богоборческого пути лирического героя Бальмонта, когда, объединив все проявления бытия в символистском сверхсознании, можно примириться с Создателем и человеческой жизнью, оправдав ее всю:

Что прошло, то прошло, что мертво, то мертво,
Мы в стозвучном живем, в Литургии Светил,
В откровеньи Стихий, в воскресеньи Всего. [3, с. 167-168]

Все основы мироздания объединить в своем творческом сознании, стать «стихийным гением», уйти за пределы «и правды, и лжи» к новому человеку, в котором заключено и черное и белое, и Бог и Дьявол, все религии мира – так представлена тема богоборчества в лирике Бальмонта. В поэтической вселенной К. Д. Бальмонта без свержения и отрицания Создателя соединяются существующие мировые понятия и представления в бесконечном движении обновления всего сущего.

В поэзии Ф. К. Сологуба лирический герой представлен так же, как и у Бальмонта, индивидуалистом и бунтарем, но его конфликт с миром и Богом острее и глубже. В нем нет мимолетности, изменчивости и неуловимости «тени от дыма» Бальмонта, он гораздо более декадентский, мрачный и пессимистичный: «За метанья жизни пленной / клял я злобную судьбу» [15, с. 346], в нем больше отчаяния и злости:

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновиденье
Или ничье? [15, с. 65-66]

В поэзии Сологуба «звучат изначально ему свойственные мотивы "мировой скорби" и мировой иронии – несвободы человека от "законов мировой игры" и слабостей "бренного тела"» [7, с. 124]. Герой Сологуба остро ощущает пропасть между обыденной жизнью и божественной душой, трагедию богооставленности: «И пред Господом ладан кадим! / Все равно непотребны, / Позабытые Богом своим» [15, с. 176], он с одной стороны жаждет ответа, с другой понимает невозможность его получения:

Безумная и страшная земля,
Неистощим твой дикий холод, –

И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот. [15, с. 169]

Голоса взывающие не слышны Создателю, в равнодушных небесах нет отклика, и потому «умирает без ответа чей-то крик», Бог разочарован в своем создании и лишил его личности, дав маски, ложные оболочки, уводящие от сути: «Нет великого владыки. / Празден трон, и нем дворец. / Опечаленный творец / Дал личины, отнял лики» [15, с. 343].

Если бальмонтковский герой, пройдя богоборческий путь, нашел спасение в собственной душе, способной объединить все религии, все проявления жизни и смерти, стереть все границы, то у Сологуба ответ также заключается в глубине собственного «я», но в ином проявлении: «поставить его в центр мирового процесса и придать ему статус "теурга"» [4, с. 893]. Поэтому лирический субъект Сологуба заменяет Творца, становится ровней ему и создает свой мир. Один из известных романов Ф. Сологуба «Творимая легенда» (1906) начинается такими строками: «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я – поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром, – над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном» [14, с. 7] – эти слова передают суть философско-художественных идей всего творчества Сологуба – и прозаического, и поэтического:

И я возник из бездны дикой,
И вот цвету,
И созидаю мир великий,
Мою мечту.

Весь мир – одно мое убранство,
Мои следы. [15, с. 193]

Творческое «Я» создает свою спасительную вселенную – это фантастическая страна Ойле под звездой Маир – мир, оживленный магической фантазией поэта, место гармонии, туда уносится душа, отдыхая от земных, злых томлений, находя спасение в воображении и игре:

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.

Там, в сиянье ясного Маира,
В колыханье светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты. [15, с. 102]

В эти дали направляется душа лирического героя во снах и в мечтах, именно там она будет жить после смерти:

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, –
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.

И все, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир. [15, с. 103]

Богоборческие мотивы в поэзии Сологуба проявились в образе поэта-теурга, пришедшего на смену Богу, который забыл человечество и отвернулся от него, и

только поэтический разум, способный создать уникальный мир, свою «творимую легенду», способен жить на земле, поскольку «Он верен сладостной мечте» [16, с. 58], но при этом «Везде чужой, всегда бродяга» [Там же].

Рубеж веков в осетинской литературе – это время расцвета и своеобразного эклектизма, когда эстетические установки различных направлений, течений искусства проявлялись не этапами, а в один период. Связано это было с тем, что осетинская литература – молодая, она возникла в конце XVIII века и развивалась в ускоренном темпе, без плавных переходов. Так, символизм оказал огромное влияние на лирику А. И. Токаева – незаурядного поэта, впервые внесшего в осетинское стихосложение форму сонета, драматурга, переводчика и художника. Лирика поэтов-декадентов вдохновляла осетинского поэта, что демонстрирует как его собственное творчество, так и переводы на родной язык стихотворений В. Я. Брюсова и К. Д. Бальмонта [17, с. 274–275]. Идеи богоборчества присутствуют в поэзии Токаева в образе лирического героя, который формируется под воздействием эстетики русского символизма, философии Ницше и революционных идей начала XX века.

Токаевский герой – иной, с горящей душой и небесным сердцем: «Мæ зæрдæ – зæд» («Мое сердце – ангел»), он проводник света на землю:

Рухс дæн. Рухс дæн æз. Мæнмæ ды кæс,
Уæ, зæххон лæг!
Хæсс дæхи. Дæхи мæнæй ды хæсс...
Æз дæн хонæг.

Свет я есть. Я есть свет. Смотри ты на меня,
О, земной человек!
Кормись мной. Себя питай от меня...
Я приглашающий.

Арвæй тын нывæндын æз зæхмæ.
Зæхх у талынг.
Систон æз мæхи зæххæй зæгъмæ,
Тынтæ калын. [17, ф. 141] (Здесь и далее тексты
А. Токаева с сохранением авторской орфографии
и пунктуации, приводятся в подстрочном
переводе автора статьи – Д. Х.)

С неба луч протягиваю на землю.
Земля во тьме.
Поднял я себя с земли, сею,
Лучи распространяю.

Соединяя в себе качества сверхчеловека, равного Создателю, лирический субъект Токаева зачастую берет на себя божественные функции и обязанности. Так, в стихотворении «Бог слепых» («Куырмыты хуыцау») герой замещает Творца, так как тот спит и не видит людских страданий, не отвечает на отчаянные зывания и крики о помощи:

Дымгæ футтытæ кæны —
Бæпыхцыл дæ рихи...

Ветер дует —
Растрепалась твоя борода...

Хъæр кæнын дæумæ, кæнын
Туджы малы падаей.
Малы мардыл æз кæлын,
Бахъæрзын æнцадаей.

Кричу тебе, к тебе кричу
Скопилась кровь озером.
Спотыкаюсь о бесчисленных мертвецов,
Тихо причитаю.

Хъусыс? Нал хъусыс, цы, ды?
Бацъынды дæ æртхуыстæй...

Слышишь? Или не слышишь ты?
Зажмурился как потухший огонь...

Цыргъ кæнын ныр æз мæ кард,
Дурты дæр куыд даса.
Сурын, сурдзынæн фыддзард,
Дард йæхи куыд ласа! [17, ф. 145]

Точу теперь я свой меч,
Чтобы камни даже мог рассечь.
Гоню, прогоняю беды
Прочь от родного края.

Для Ницше «Бог умер», для Токаева – «Бог спит», именно поэтому лирический герой А. Токаева возлагает на себя миссию Сверхчеловека – спасителя, однако так же, как и старшие символисты Ф. Сологуб и К. Бальмонт, А. Токаев не столь категоричен,

как немецкий философ. Создатель не мертв, и, хоть он и не слышит стенаний, не видит страданий, но ему отчаянно молится поэт. Если в лирике старших символистов взывания обращены именно к Богу персонифицированному, то у осетинского поэта он может быть и Отец, и Сын, и Святой дух:

О, Христос, добром сиятель,
Приди на землю опять, приди!!!

И всем укажи дорогу к раю.

Я твое не оставлю стадо
Я не Иуда, не предам

Пусть как и ты и я страдаю
И свой крест мне ты вручи
К твоим стопам я припадаю
Пусть за добрые дела
И меня пусть распинают [13, д. 30, л. 3].

Стихотворение создано на русском языке – уникальный факт, поскольку поэт писал исключительно на родном языке, виртуозно владея им. Попытки сочинять на русском были в годы учебы в Бакинском Александр II морском училище дальнего плавания (1913-1916 гг.). Несколько русскоязычных стихотворений имеются в черновых тетрадях Токаева, хранящихся в ОРФ СОИГСИ, в печать они не выходили, так как демонстрируют скорее этапы формирования личности Алихана Инусовича, чем высокий уровень мастерства слова и образности, как основная масса поэтического наследия автора на осетинском языке.

Тем не менее в данном стихотворении видно то, ради чего начал творить Токаев: выступая в образе страдальца и спасителя, как Христос, он несет свой крест, совершая путь на Голгофу ради родного обездоленного народа. В жизни А. И. Токаев был активным борцом за Советскую власть, неслучайно, описывая в стихотворении страдания Христа, молодой автор говорит:

Пусть терновое кольцо
И мне на голову надевают
Пусть в тюремное крыльцо
Меня ногой они толкают
Пусть в крови мое лицо
Пусть камнями в меня бросают. [13, д. 30, л. 3]

Таким образом, создавая образ бунтаря-революционера, выступающего против царских властей, принимая страдания, он отождествляет себя с Иисусом Христом, который принял смерть ради спасения человечества.

Токаев не лишается веры, он стремится ее видоизменить, обновить как религию, так и человека: «я не молюсь вашему старому Богу бейте камнями меня... я ищу я иду к Богу, за мною за мною друзья!» [13, д. 21, л. 33]. Это строки записаны в черновой тетради Токаева под заголовком: «Темы для художественного воплощения», которые впоследствии Алихан Инусович раскрыл в своем творчестве: «хочу я зеркалом быть и отражать в себе тьму и свет» [13, д.21, л. 32]. Поэзия старших символистов являлась эталонной для осетинского поэта, поэтому, например, не случайны параллели в образах лирических героев Бальмонта и Токаева – та же неопределенность и стремление к единству противоположного, эфемерность и неуловимость: «Я – облачко, я – ветерка дыханье» [2, с. 26] у Бальмонта, «Æз рыг дæн. Хуры уарыны рыг дæн, / Арвыл хъазын» [17, ф. 141] – «Я пыль. Солнечного луча пыль – я, / Играю в небесах» у Токаева. О

своей несхожести с основной массой людей говорится у него во многих стихотворениях: «Æнаæмæт адæм» («Беспечные люди»), «Цард» («Жизнь»), «Цыкурайы фæрдыг» («Бусина желаний»), «Цæмæн?» («Зачем?»), «Цæссыг» («Слеза») и др. Зачастую инаковость героя оборачивается уникальными способностями, равняющими его с неким демиургом (как и в образе лирического субъекта поэзии Ф. Сологуба), сверхчеловеком, тем, кто соединяет в себе качества смертного, мага и Бога. Так, в стихотворении «Цæссыг» («Слеза») представлен путь духовного преображения, постижение сути тьмы и света, открытие новой религии:

Ма ку ды, ма ку. Ныр рухс у мæ цард.
Хауын æз талынджы, талынджы, талынджы.
Агурын талынджы рухсы къæрмæг.
Ма ку ды, ма ку. Фендзынæ уалынджы,
Талынгæн фендзынæ Рухсы хæрнæг.

Сау дуртæй самайдзæн аргъуан мæ сау зæрдæ,
Аргъуан — æрттивгæ, æрттивгæ, фæлурс.
Талынджы нал уыдзæн, нал, нал уæззау хъæртæ,
Талынджы фендзыстут, м' адæм, мæ рухс. [17, ф. 166]

Не плачь ты, не плачь, теперь моя жизнь – Свет.
Падаю я в темноте, в темноте, в темноте,
Ищу во тьме затычку, закрывающую доступ к свету.
Не плачь ты, не плачь. Увидишь в свое время,
Увидишь поминки по Тьме, устроенные Светом.

Мое черное сердце выстроит из черных камней церковь,
Церковь – сверкающую, блестящую, светлую.
Во тьме исчезнут, исчезнут, исчезнут крики тягостные,
Во тьме увидишь, мой народ, мой свет.

В стихотворении, пройдя мистические этапы просветления (уход от людей, стремление достичь самой высокой горы, падение с нее), лирический субъект соединяет в себе противоположности, создает новую церковь, излучающую особый свет, дающий избавление от страданий. Герой Токаева, осознавая свою уникальность, непохожесть, свою силу Разума, все это готов отдать ради человечества, как Иисус, он готов принести себя в жертву во имя спасения собственного народа. Поэтому его личностный бунт против Бога – это не отрицание и противопоставление, а поиск спасения для человечества, когда сверхличность приходит на помощь там, где Бог бессилен, когда он спит, не видя земных страданий. Единственная цель, которая движет лирическим героем – это любовь к родному народу, голодному и обездоленному, как писал совсем еще юный поэт в ученической тетради, ставя перед собой задачи и стремясь к саморазвитию: «Если бы я обладал Великим Разумом, / Тогда, страдая, боль / Взял бы на себя ради Осетии» [13, д.15, л. 6]. Своеобразным ответом на эти слова можно считать «Предисловие», написанное уже зрелым поэтом в 1919 году:

«Æз зонын тæхын уæларвмæ, дзурын зæдтимæ, хъазын стъалытимæ, æз атæхин уæларвмæ. Æз зонын хауын дæлдзæхмæ, хъусын æнабын Дæлдзæхы мæлдзыджыты зарын, æз ныххауин Дæлдзæхмæ. Фæлæ æз цы адæмæн кусын, уыдон нырма агурынц æрмæст кæрдзыны къæбæр, цаемæй, ма бахуысса сæ уынгæг цард. Уыдон тухи кæнынц кæрдзын ссарыныл æмæ уал сын раттын хъæуы "кæрдзын"» [17, ф. 276] – «Я умею летать в небесах, говорить с ангелами, играть со звездами, я улетел бы на небо. Я умею падать под землю, слушать в бездонной пропасти песни муравьев, я упал бы под землю. Но те люди, для которых я работаю, они пока еще ищут только кусок хлеба, чтобы не погасла их стесненная жизнь. Они страдают в поисках хлеба, и пока им надо дать "хлеб"». Возможно, этими словами Токаев планировал открыть свой первый печатный сборник, в этих словах заключается его кредо как и поэта-символиста, так и деятеля-революционера.

Выводы, сделанные в результате проведенного исследования, следующие: во-первых, тема богоборчества является актуальной для рубежа XIX – начала XX веков, поскольку в это время достигла пика проблема всеобщей разочарованности, неуверенности в устоях бытия и назрела острая необходимость ее решения. Во-вторых,

в поэзии символизма богоборческая тематика представлена не как бунт и неприятие Господа, а как поиск альтернативных путей спасения в мире, где небо глухо к страданиям, поскольку Создатель либо разочарован в своем творении, либо ослеп от созерцания людских бед и ошибок, либо просто крепко спит. В-третьих, только поэт-символист как творец-демиург в образе нового лирического героя нашел действенный способ преодоления типично-человеческого бытия: в стирании границ между добром и злом, через оправдание и единение всего сущего для возможности жить на земле (у К. Д. Бальмонта), в виде побега от реальности в воображаемый мир Ойле под звездой Маир (у Ф. К. Сологуба), в форме активной борьбы со злом в качестве помощника или заместителя Бога для избавления человечества от страданий, сродни жертвенности Иисуса (у А. И. Токаева).

Таким образом, искусство рубежа веков отразило острейшие противоречия своего времени и извечные вопросы бытия: конечность жизни, бессмертие души, вдохновляющие мечты, боль физических и духовных страданий, стремление к ускользающей Истине и тщетность поисков. Именно на стыке веков четко обозначились несоответствия людского существования на земле, где все ценности устарели, все нормы пошатнулись, и каждый поэт и художник в своем творчестве искал и находил уникальный путь спасения.

Творчество А. И. Токаева остается недостаточно исследованным в современном осетинском литературоведении, в связи с чем видится **перспективным** дальнейшее изучение как собственно поэтического наследия автора, так и связей его с русской и мировой литературой.

1. Балашов Н. И. Рембо и связь двух веков поэзии. IV. Письма ясновидца и «Пьяный корабль» // Артур Рембо. Стихи. Последние стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. М.: Наука, 1982. С. 233-258.
2. Бальмонт К. Д. Собр. соч.: в 7 т. Т. 1. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. 504 с.
3. Бальмонт К. Д. Собр. соч.: в 7 т. Т. 2. М.: Книжный Клуб «Книговек», 2010. 480 с.
4. Бройтман С. Н. Федор Сологуб // Русская литература рубежа веков (1890 -е - начало 1920-х годов). Книга 1. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. С. 882 -932.
5. Дехтяренко А. В. Концепция сверхчеловека в творчестве Д. С. Мережковского в свете античной традиции (на материале трилогии «Христос и Антихрист») // Россия и Греция: диалог культур. Материалы III Международной конференции: в 3-х частях. Петрозаводск: Петрозаводский гос. ун-т, 2016. Ч. 1. С. 82-90.
6. Ефремова Т. Ф. Богоборчество // Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 1. А-Л. М.: АСТ: Астрель, 2006. С. 189.
7. Колобаева Л. Н. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2017. 352 с.
8. Корецкая И. В. Символизм // Русская литература рубежа веков (1890-е - начало 1920-х годов). Книга 1. М.: ИМЛИ РАН «Наследие», 2000. С. 688-731.
9. Максимов В. Французский символизм – вступление в двадцатый век // Французский символизм. Драматургия и театр. СПб.: Гиперион; Гуманитарная академия, 2000. С. 5-52.
10. Миллер Г. Время убийц / пер. с англ. И. Стам // Миллер Г. Время убийц: Эссе / пер. с англ. И. Стам, А. Зверева, З. Артемовой. СПб.: Азбука-классика, 2001. С. 19-160.
11. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / пер. с нем. Ю. М. Антоновского // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т.2 / пер. с нем.; сост., ред. и авт. примечания К. А. Свасьян. М.: Мысль, 1990. С. 5- 237.
12. Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. Ф. 27. Оп. 1.
13. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 4. М.: НПК «Интелвак», 2002. 672 с.
14. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 7. М.: НПК «Интелвак», 2003. 568 с.
15. Сологуб Ф. К. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 8. М.: НПК «Интелвак», 2004. 608 с.
16. Токаты А. Уацмыста. Орджоникидзе: Ир, 1973. 308 ф.
17. Шестов Л. И. Апофеоз беспочвенности. Опыт адогматического мышления. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1991. 216 с.